

Аркадий Александров

Флэшка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Аркадий Александров

Флэшка

«Автор»

2026

Александров А.

Флэшка / А. Александров — «Автор», 2026

Детектив с экшен-сценами. Главный герой, обычный обыватель, который оказывается случайно втянут в криминальную историю, махинации с гуманитарной помощью и коррупцией чиновников.

© Александров А., 2026

© Автор, 2026

Аркадий Александров

Флэшка

Глава 1.

17:52. Пятница. Правый нижний угол монитора приковывает к себе взгляд, как последние два месяца, два года, а может, и десятилетие. Неделя пронеслась столь же уныло, как предыдущая, позапрошлая и та, что предшествовала мифическим майским праздникам. Если бы мою рабочую одиссею решили увековечить в формате документалки, ей бы подошло название «Ноль» и хронометраж – жалкие двадцать семь минут. Из которых двадцать – крупный план моего монитора, украшенного величественной таблицей Excel.

Соседний персонаж, Колька, уже второй месяц подряд витийствует о ремонте. Погружен он в процесс с таким религиозным экстазом, будто лично выкладывает фрески в Сикстинской капелле, а не борется за эстетику совмещенного санузла в типовой хрущевке.

— ...и я говорю: слушай, ты хоть с точки зрения эксплуатации на это посмотри, перламутр же желтеет! — вещает Колька, не устаивая меня даже мимолетным взглядом. Ему нужна лишь акустическая декорация, подтверждающая его физическое присутствие в этом мире.

— Угу, — отзываюсь я, ставя галочку напротив строчки «Транспортные услуги». Цифры – мой единственный компас в этом океане бессмыслицы.

Колька, не прерываясь, продолжает вещать про эпоксидную основу. Я погружаюсь в таблицу. Честно говоря, этот монотонный шум бытия даже помогает. Работает какой-то автопилот, позволяя мозгу не обращать внимания на абсурдность происходящего. У Кольки – ипотека на вечное, ребенок, требующий садика, и голова, забитая стратегическими расчетами: когда урвать ламинат по акции, когда удачно рефинансировать, когда, наконец, закончить эту проклятую ванну. Жизнь, собранная из обязательств, эдакий конструктор для взрослых.

И вот тут я начинаю подозревать, что от Колькиной жизни мою отличает именно отсутствие этого самого конструктора. Никакой ипотеки, никакого ребенка, никакого ремонта. Лишь съёмная однушка с обоями хозяйки, притащившими с прошлых президентских выборов блеклый цветочный узор, который над батареей начал отслаиваться еще при царе Горохе. Никаких якорей, никаких горизонтов. Делать, в общем-то, нечего. Завидная жизнь, если смотреть с высоты птичьего полета ипотечника.

— Алексей.

Я вздрагиваю, словно от удара током. В дверях – Юрий Павлович. Шеф, чье лицо давно смирилось со всеми перипетиями бытия, будто ему самому пришлось когда-то лично выкладывать плитку в хрущевке. В руках – распечатка, обещающая нам всем не лучшие времена.

— Показатели квартала подтяни, — изрекает он буднично, будто просит передать соль в столовке, глядя на меня с выражением человека, заранее знающего, что соль никто не передаст.

— Понял, — киваю я, принимая неизбежное.

Юрий Павлович растворяется в коридоре. Колька, прервав свой ремонтный эпос на полуслове, провожает шефа взглядом и вновь погружается в перламутровую затирку. Я снова смотрю на часы – 17:56.

В голове прокручиваются риски. Что-то, что может кардинально изменить эту устоявшуюся конфигурацию моей жизни? Нет. Терять, в сущности, нечего. Это придает странную, почти абсурдную устойчивость. И, конечно, аргументацию, чтобы не задерживаться в пятницу вечером. Показатели квартала, конечно, и так сойдут.

Месяц назад от меня ушла Светка. Не то чтобы великая любовь, скорее, привычка удовлетворять базовые потребности и заказывать одну пиццу на двоих. Она сказала, что устала ждать, пока я «определюсь». С чем именно – спрашивать не стал. Да и она, видимо, не посчи-

тала нужным уточнять. Наверное, это был необходимый штрих, чтобы её уход не выглядел совсем уж жалко.

Колька, меж тем, заканчивает монолог про затирку и переходит к изысканиям в области дверных петель. Я закрываю таблицу. Экран гаснет, и в нем на долю секунды отражается мое лицо. Тридцать лет, ничем не примечательная физиономия, глаза человека, который пять часов смотрел на цифры и теперь видит их даже с закрытыми веками. Надеваю куртку, готовясь выйти в прекрасный, полный приключений мир.

— Пока, Коль, — прощаюсь я, словно отменяя сеанс экзорцизма. — До понедельника.

— Ага. Ты куда сегодня?

— Никуда.

— А-а, — тянет он, словно мудрец, постигший дзен на кушетке психотерапевта, и с видом просветленного начинает собираться.

Ровно в 18:00 я выхожу из офиса, вдыхая свободу, как контрабандист — запах свежих денег. Охранник Степаныч кивает мне у турникета с видом палеонтолога, обнаружившего на даче не динозавра, а новую модель кошелька. На улице октябрь, похожий на помятую банкноту, навёл порядок: темно, пахнет мокрым асфальтом и той самой шавермой, что обещает изысканный гастрономический опыт.

Пятница, царица души, лишь немного отличается от обычного будня. К счастью, завтра не нужно насилловать себя будильником. Вот он, повод для грандиозного празднования!

До дома — двадцать минут блаженного блуждания. Автобус, как всегда, представляет собой арену гладиаторских боев за личное пространство, где каждый дышит на соседа. Я предпочитаю улицу. По крайней мере, здесь можно тешить себя иллюзией, что шаг за шагом движешься к своей мечте, а не к очередному диалогу с унитазом.

Вот навстречу появляется благородный рыцарь с верным псом-поводырем. Пес, будто гуру йоги, ведет своего заблудшего хозяина, натягивая поводок и демонстрируя вселенское терпение. Хозяин, погруженный в смартфон, словно в нирвану, не замечает ничего вокруг. Пёс же, бросив на меня взгляд опытного риелтора, оценивает мои шансы на приобретение квартиры в их районе. Шансы нулевые... Мы расходимся, унося с собой обрывки невысказанных мыслей.

Я сворачиваю на Советскую, и перед моим взором возникает жёлто-красная вывеска «Магнита». Дома, конечно, только кефир-призрак и половина грустной луковицы, что не предвещает ничего, кроме кризиса и доставки пиццы. Но амбиции требуют утешения, а мозг, как прожжённый циник, отказывается выбирать между гречкой и пельменями — задача, непосильная даже для самого изощренного философа в пятничный вечер. И я, с достоинством преданного, но не побеждённого, продолжаю свой путь к пешеходному переходу, где, возможно, меня будет ждать ещё более захватывающее приключение.

Он налетел на меня, как внезапная морская волна, сбоку-сзади. Не сильно, но это выбило меня из привычного танца жизни. Я отшатнулся, выставив руку, как щит. Упругое, чужое плечо.

— Простите, — выдохнул он, словно заученную фразу, взгляд его блуждал где-то за моей спиной, в пространстве, словно он выискивал кого-то.

Серое пальто, бледность, отдающая синевой, словно этот человек только что сыграл в русскую рулетку и выиграл, но правила требовали стойко переносить свой страх. Руки его, державшие невидимый воздух, дрожали едва заметно, как крылья испуганной птицы.

— Все в порядке, — ответил я, чувствуя, что слова вылетают из меня, как заученные мантры.

И он тут же растворился в редком потоке людей, словно серое пятно, стёртое рукой художника. Я шагнул на «зебру», повинаясь неумолимому ритму города. Белый седан, как услужливый призрак, остановился, пропуская.

И тогда, со стороны перекрестка, пришел звук. Глухой, короткий, неправильный. Не скрежет металла, а удар плоти о железо, словно сама жизнь вскрикнула в агонии. Я обернулся.

На асфальте, под холодным взглядом неба, лежала темная куча. Серое пальто. То самое. Теперь оно было плоским, искаженным, словно кошмар, вытекший на полотно реальности. Мелькнул хвост черной или темно-синей (в сгущающихся сумерках не разобрать) машины. Она не замедлилась. Решительно набирая скорость, она ушла за поворот, как будто видеокамер не существует, как будто этот мир — всего лишь сценка, где можно написать финал по собственному усмотрению.

Женщина в клетчатом пальто прижала руки ко рту, словно пытаясь удержать крик. Мужчина рядом, словно дирижер трагедии, орал в телефон, выкрикивая адрес. Другой мужчина наклонился над телом на асфальте и, кажется, пытался понять его состояние, потряс за плечи.

Седан, нетерпеливо сигналив, требовал продолжения моего пути. Я развернулся и пошел прочь. Внутри меня образовалась странная пустота. Не страх, не горечь, а именно пустота, словно из механизма жизни выдернули шестеренку. Мир вокруг продолжал вращаться по инерции, издавая едва слышный, неприятный скрип.

...Щелчок замка входной двери прозвучал в тишине квартиры, как выстрел. Я повесил куртку на крючок. Один рукав соскользнул. Пальцами я поправил его и вдруг наткнулся в кармане на что-то твердое, угловатое.

Достал. Черная флэшка без каких-либо надписей. Колпачок на месте. Она не моя. Моя единственная, синяя, как летнее небо, сиротливо лежит в ящике стола в офисе.

Мысль, продираясь сквозь ватную завесу усталости, начала проясняться. Тот человек. Он был не в себе. Руки тряслись, как осенние листья. Взгляд блуждал. Он не случайно толкнул меня. Не случайно прошептал извинения. И ушел, не оглядываясь, навстречу своей судьбе. И его сбила машина.

Он ли сунул мне эту флэшку в карман? Зачем? Чушь какая-то! Наверное, чья-то офисная, забытая, заваливавшаяся. Потом открою, гляну — сразу все станет ясно.

Я направился на кухню. Холодильник, словно старый друг, открылся с привычным, родным скрипом.

Взглянул в зияющую пустоту холодильника, и мрачные мысли, словно настырные мухи, роились над моим потускневшим карьерным горизонтом, который, казалось, упирался прямо в край этого морозильного сундука. Думаю: какой же я венец творения! Эволюция миллионы лет растила лобные доли, чтобы я всего лишь гениально планировал ужин из двух макаронин? Титан духа, выпускник вуза, а интеллектуальный потолок находится на уровне плинтуса...

Закрываю холодильник. Замечаю, что флэшку держу в руке. Не задумываясь, сую ее в ящик кухонной тумбы, где лежат ложки, вилки и прочие столовые приборы. Тут же, словно по наитию свыше, возникла мысль позвонить Сашке. Хотя бы потому, что одиночество в квартире с этим пустым холодильником казалось куда более устрашающим, чем прогулка по городским трущобам. А он, между прочим, уже давно предлагал пересечься. Набираю номер.

— Алё! О, Лёх, привет! Ты живой, что ли? — Голос разносит бодрость, фоном звучит музыка. — Мы с Гришей в «Трёх медведях», пиво там вполне себе, айда.

Мой взор уперся в белоснежную, как смерть, дверь холодильника...

— Еду, — произнёс я, обрекая себя на неизбежное...

...Субботнее утро врывается в квартиру запахом. Густое, осязаемое амбре из перегара, дешевого пластикового стаканчика и чего-то кислого — кажется, это мой собственный желудок прощается со мной через поры.

Я открываю один глаз. Потолок надо мной опасно кренится вправо, словно мы на «Титанике», только вместо айсберга была восьмая кружка пива. Или девятая? Попытка приподнять голову приравнивается к государственной измене и внутри черепной коробки кто-то мето-

лично работает перфоратором прямо в затылочную долю. Во рту степная полынь встретила с пепельницей.

Первая мысль такой субботы всегда иррациональна: «Какая сволочь так ярко включила солнце?» Вторая, чуть более прикладная: «Где я оставил совесть?» Совесть не обнаруживается под диваном, но там находится один носок. Второй носок совершил побег где-то в районе ванной...

Кухня встречает меня полем боя. На столе — монументальный натюрморт: пустая бутылка из-под водки (мы что, пили водку?! У меня, здесь?!), коробка из-под пиццы, которая эволюционировала в новый вид плесени, и одинокое надкусанное кольцо колбасы, грустно лежащее прямо на липкой клеенке. Я смотрю на колбасу. Колбаса смотрит на меня. Мы оба понимаем, что она мертва, но съесть ее все равно придется, ибо это вопрос выживания вида. Откусываю кусок всухую. Вкус напоминает мокрый картон и предательство. Организм принимает еду как личное оскорбление.

Отбрасываю колбасу и припадаю к крану, жадно лакая воду. Уфффф! Наконец отрываюсь от живительной влаги и хрипло сообщаю пустой кухне:

— Отличный старт, Вселенная. Спасибо,

Голова пульсирует в такт проезжающим внизу машинам. Мысль о том, чтобы умыться, вызывает физическую тошноту. Единственное доступное действие — сесть на табурет и смотреть в стену. Стена держится молодцом. Стене вообще плевать на мои показатели квартала и эпоксидную затирку Кольки.

Взгляд случайно падает на кухонную тумбу, я дотягиваюсь до нее, выдвигаю ящик, чтобы достать нож с вилкой — почему-то в голове вдруг вонзилась мысль, что просто грызть колбасу — это моветон...

Мой мозг, работающий сейчас на мощности умирающей кротовой батарейки, цепляется за аномалию. Там, среди привычного хаоса из чайных пакетиков без ярлычков, погнутых вилок и ложек, которыми давно никто не ел суп, лежит что-то чужеродное. Маленький черный прямоугольник. Флэшка.

Сознание пытается обработать этот ввод данных. Процессор дымится. Так, вчера... серое пальто... тупой удар... седан сигналил... я пришел домой... положил куртку... сунул руку в карман... вытащил это... подумал, что офисная... засунул к ложкам. Логика железная. Железная логика человека, чей IQ в данную минуту равен комнатной температуре.

Я беру флэшку двумя пальцами. Она холодная, скользкая. Моя первая трезвая (относительно) мысль за сегодня звучит так: «Это инопланетный жучок. Сейчас он активизируется, прорастет мне в висок тонкими нейрошипами и будет транслировать рекламу ипотеки от Коли прямиком в зрительный нерв». Вторая мысль: «А может, там государственная тайна? Чертежи летающей тарелки или база должников микрозаймов?»

Третья мысль оказывается самой громкой, потому что произносится голосом моего раскалывающегося черепа: «Да господи боже, какая флешка?! У меня кровь сейчас пойдет носом от попытки сфокусировать взгляд!»

Брезгливо, как дохлую мышь, я бросаю черный пластик обратно в ящик. Он приземляется точно между старой сувенирной ложкой из Анапы и зубцами вилки, которые загнуты под углом сорок пять градусов после встречи с очень жестким стейком. Пусть лежит. Если там чертежи Росатома — пусть Росатом сам их и ищет. Мне нужно догнаться аспирином.

...Воскресенье начинается с коварства. Похмелья нет. Тело чувствует себя подозрительно легким, почти здоровым. Кажется, можно даже выйти на улицу. Эта иллюзия длится ровно до того момента, пока я не появляюсь на кухне, чтобы заварить нормальный чай.

Я открываю ящик и снова вижу его. Черный прямоугольник лежит теперь поперек ножей. Он выглядит как укор. Как памятник моей пятничной и субботней слабости.

На секунду воцаряется звенящая тишина. Мозг предлагает элегантное решение проблемы: «Выброси его. Прямо сейчас. Возьми салфеткой, донеси до мусоропровода и забудь. Это улика. Ты соучастник. Или свидетель. Или курьер смерти. Выброси!»

Но тут вступает в игру великий русский пофигизм, помноженный на бытовую лень. Кроме этого здравая мысль приходит в голову – флэшка точно кого-то из офиса, а сбитый машиной мужик к ней не имеет никакого отношения.

— Ладно, — говорю я вслух, обращаясь к черной пластмассе. — Полежи еще. Охладишься.

Я сгребаю в горсть пару столовых приборов — нож для резки сыра, десертную ложку и штопор сомнительного происхождения — и совершаю акт погребения. Аккуратно, но с силой заталкиваю флэшку глубже, под самый дальний угол металлического органайзера. Зачем я так поступил, сам не понял, видимо она просто стала меня раздражать. Теперь она надежно скрыта под слоем окислившегося серебра и бытовой бесполезности. Чтобы найти ее, понадобится археологическая экспедиция или генеральная уборка, то есть событие столь же вероятное, как второе пришествие.

...Понедельник пахнет мокрым асфальтом и неизбежностью. Выхожу из подъезда в 08:40, натягивая воротник куртки до самых ушей — октябрь решил, что быть просто сырым ему скучно, нужно еще и дуть со всех сторон сразу. Небо нависает низкими тучами цвета грязного бинта. У самого бордюра, перекрывая нормальный проход к пешеходной дорожке, стоит седан. Цвета серой канцелярской крысы или пыльного системного блока. Стоит криво, наехав правым колесом на газон.

Я мазнул по нему взглядом. «Разъездились, — лениво подумал я. — Встал как debil, теперь мамочкам с колясками обходить». Обычное утреннее раздражение городского жителя. В мире миллионы серых машин, но именно вот эта получила наглого водилу! Еще и крыло помято!

До офиса ровно двадцать минут бодрого шага. Маршрут выверен годами: мимо школы, где первоклашки орут так, будто их ведут на расстрел, через сквер с вечно закрытым общественным туалетом, по Советской, через переход... Я иду, засунув руки глубоко в карманы, и думаю о том, что забыл купить новые стельки, а старые уже начали осыпаться песком прямо в носок.

День проходит под знаком Колькиной эпоксидной затирки. Жизнь — это таблица Excel, и мы все в ней лишь строчки, которые никто никогда не оплатит. Вечером, ровно в 17:57, я выключаю компьютер. Монитор гаснет, отражая мою уставшую физиономию.

Сворачиваю за угол бизнес-центра. И тут мой взгляд снова цепляется за него. Тот же мерзкий оттенок серого на мерзком сером фоне мерзкой осенней погоды в мерзком слякотном городе.. Седан припаркован у остановки, метрах в тридцати от выхода. И так же крыло помято.

Вот ведь — город полон серых мыльниц корейского автопрома. Их штампуют на одном конвейере для людей без фантазии. Утром была одна серая, вечером — другая, точно такая же... И обе с помятым крылом? Или же кто-то из соседей работает рядом?

Я поворачиваю в противоположную сторону. Пойду дворами, через гаражи — крюк составит лишние пять минут, зато воздух чище, и выйду ближе к дому. Правда, там слякотнее, но ничего.

...Во вторник утром снова наткнулся на флэшку. В моем представлении она уже окончательно потеряла статус загадочности. Она лежит в ящике кухонной тумбы, погребенная под слоем погнутых вилок и чайных пакетиков без ярлычков. Я помню про нее смутно, как про прошлогодний грипп. Ведь это какая-то офисная ерунда. Выбросить лень. Она — мелкая бытовая нелепица. Пусть валяется, авось и пригодится.

...Среда приносит облегчение. Экватор недели! Мир плоский и безопасный. Я прохожу свой маршрут туда и обратно, замечая только лужи и цены на шаверму. Периодически взгляд наталкивается на серые седаны, но они не пугают.. Психика торжествует.

..Четверг начинается с легкой ненависти к человечеству, но с оттенком торжества приближающейся пятницы. В обеденный перерыв я забегаю в магазинчик за пельменями. Стою у кассы, смотрю сквозь витрину на улицу. Мимо сплошным потоком идут люди, едут машины. И вдруг — опять серый седан!. Прямо перед стеклом проезжает, паразит такой! И крыло помято. Едет медленно, словно водитель всматривается в дома или «висит» в навигаторе.

Я замираю с пакетом пельменей в руке. «Что за чертовщина... День открытых дверей в клубе владельцев серых седанов с помятыми крыльями?» — мелькает мысль.

Три точки образуют прямую, но три серые машины в многомиллионном городе — это просто шум. Шум, который мой усталый мозг зачем-то пытается сложить в узор. Я отворачиваюсь от окна, расплачиваюсь на кассе и ухожу. Никакой связи. Машина отдельно, моя жизнь отдельно.

...Пятница. Пятница! Это святой день, когда организм работает на чистом предвкушении двух суток горизонтального положения. Я отработал свои цифры, попрощался с Колькой (сегодня он вещал про выбор унитаза) и вышел на улицу.

Настроение почти праздничное. Октябрьский вечер пахнет дождем и пятничным грехом. Я сворачиваю на родную Советскую, насвистывая что-то похоронно-бодрое. Впереди маячит желтый прямоугольник «Магнита». Сейчас возьму пива, каких-нибудь снеков и официально закрою эту неделю.

... С пакетом бутылок, чипсов и вяленых колбасок подхожу к своему дому. И тут я вижу его. Снова! Серый седан с помятым крылом стоит во дворе. Не у дороги, не на парковке. Прямо напротив моего подъезда, заняв единственное свободное место между чьей-то «Нивой» и детской горкой. Двигатель заглушен. Фонарь с улицы бьет прямо в лобовое стекло, но салон кажется пустым. Темнота внутри абсолютная.

И тут фантазия начинает бить в набат. Сначала приходит классическая паранойя, почерпнутая из дешевых детективов: «Это наружка. Они следили за мной всю неделю. Изучали маршруты. Ждали, пока я расслаблюсь в пятницу».

Но эта мысль разбивается о гранитную стену моей самооценки. Я останавливаюсь за углом соседнего дома, прячась в тени тополя, и пытаюсь найти логику. Прижимаюсь спиной к холодной кирпичной кладке.

Зачем? Кому нужен Алексей? Я перебираю свою жизнь, как старую коробку с барахлом. Что там? Офисный планктон. Таблица Excel. Пустой холодильник. Бывшая Светка, которая ушла, потому что ей стало скучно. Кредитов нет, долгов нет, секретов государственной важности нет. Я самый обычный, стерильный, ничем не примечательный обыватель. За такими, как я, не устанавливают слежку. За такими, как я, даже судебные приставы не приезжают, если забыл оплатить коммуналку.

Следить за мной — это экономически невыгодно. Бюджет ФСБ не потянет оплату бензина ради человека, чей главный жизненный вызов — решить, сварить макароны или пельмени.

Это абсурд. Шпионский спектакль, разыгранный моим воспаленным эго. Мне просто льстит думать, что я кому-то интересен. На самом деле это наверняка новый жилец. Или сосед купил другую машину и просто встал неудачно.

Я заставляю себя отлепиться от стены. Глубокий вдох. Спокойно. Ты идешь домой. Это твой двор. Твоя территория. Не будет же здоровый мужик бежать с криками от обычного припаркованного авто, размахивая пельменями и пивом.

Расправляю плечи. Достаю ключи. Иду к подъезду уверенной, пружинящей походкой человека, которому абсолютно нечего скрывать. Прохожу в трех метрах от капота серого

седана. Даже не поворачиваю головы. Смотрю строго на кодовый замок. Пиканье домофона звучит как выстрел стартового пистолета к свободе.

Захлопываю за собой тяжелую железную дверь. Тишина лестничной клетки давит на уши. Поднимаюсь к себе. Всё хорошо. Всё абсолютно нормально.

...Субботнее утро врывается в квартиру не звуком, а легкой тяжестью. Вчерашнее завершение рабочей недели закончился пивом с чипсами перед телевизором, примерно в полвторого ночи.

На кухне, рывком выдвинув ящик, среди столовых приборов я внорвь натываюсь на загадочную флэшку – холодный, гладкий пластик. Он выглядит абсолютно чужеродно на моей кухне. Как деталь инопланетного корабля, случайно оброненная в коровнике.

И тут во мне просыпается нечто новое. Непонятная злость. Хватит! Вся эта неделя была чередой раздражающих моментов. Колька со своей затиркой, пустой холодильник. Затем этот труп на асфальте, который мир просто объехал стороной. Какой-то серый фантом с помятым крылом пасет меня у подъезда.. Я хочу конкретики!

— Ладно, — говорю я вслух циничным тоном патологоанатома. —Покажи мне свое нутро. Что там у тебя? База должников или детсадовское порно?

Я встаю, иду в комнату, достаю ноутбук. Крышка скрипит, словно жалуется на жизнь. Система грузится мучительно долго, фоном шелестя жестким диском Флэшка входит в USB-порт с тихим механическим щелчком. Символ безопасного извлечения в углу экрана мигает, сменяясь значком нового диска. Ни названия, ни иконки. Просто буква «F».

ам маячила одна папка под названием «1». Я смело и даже в некотором нетерпении, дважды кликнул по ней, открывая. Там оказались файлы в расширении «key» и «crt». Что бы это значило, я не ведал, а потому принялся открывать их все подряд.

Один открылся набором бессмысленных символов, какая-то техническая абракадабра. Остальные выдавали ошибку доступа, пока один вдруг не распахнулся обычным текстом в «Блокноте». Из текста я почерпнул следующее.

«Владелец сертификата: Громов Виктор Сергеевич. Удостоверяющий центр: «Контур Бис». Срок действия: 18.03.2022 – 17.03.2027. Серийный номер: 01a3f57b000000124с.»

Я глазел на экран. Все это мне ни о чем не говорило. Я не знал, кто этот Громов, что за организация «Контур Бис» и вообще – что это за сертификат и серийный номер.

Я закрыл флэшку, вынул ее и решил, что она точно офисная, причем нашего сисадмина Толика. И скорей всего она уже пару недель болтается в моем кармане, с того момента, как я облачился в эту куртку. Мне вспомнилось, что Толик действительно тогда появлялся у нас в комнате. Видимо, оставил флэшку по рассеянности, а я автоматом сунул ее в карман. Другого объяснения у меня просто не было.

– Ну и ладно! – воскликнул я, – Отдам Толику в понедельник.

С этими словами я встал, прошествовал в прихожую и сунул флэшку в карман куртки.

...Воскресенье начинается с предательства. Я стою в одних трусах посреди комнаты, пытаюсь застегнуть джинсы, и чувствую себя инженером, столкнувшимся с неразрешимой технической задачей. Металлический язычок пряжки стигается под пальцами, как пластилиновый, а сама она — массивная, квадратная, купленная по пьяни на какой-то рок-конвенции лет пять назад — издает жалобный хруст и отваливается прямо мне в ладонь. Нитки, которыми кожа крепилась к железу, просто сгнили от времени и моего морального разложения.

— Серьезно? — спрашиваю я у ремня. — Ты решил оставить меня без штанов?

Это не просто ремень. Это Эскалибур моих понедельников. Единственный аксессуар во вселенной, способный примирить мой слегка раздавшийся за последнее время таз с любимыми джинсами. То ли индийскими, то ли китайскими, а может и сварганенные таджиками в соседнем подвале, но сидящими идеально везде, кроме талии. Другие ремни лежат в шкафу

мертвым грузом: один слишком широкий для этих шлевок, другой слишком узкий, третий — вообще плетеная фенечка из девяностых. А этот был последним бастионом цивилизации.

Делать нечего. Джинсы сползают при малейшем движении, превращая любой шаг в рискованный акробатический этюд. Я натягиваю спортивные штаны с растянутыми коленями — униформу абсолютного поражения — и выхожу на улицу.

Меллоремонт прячется через четыре дома, в полуподвальном помещении, пропахшем раскаленным металлом, пылью и чужим потом. Над дверью звенит колокольчик, который, кажется, не умолкал со времен распада СССР. Внутри — филиал чистилища.

Очередь состоит из трех человек, но выглядит как демографический срез всей страны. Первым стоит суровый дед в кепке, принесший сломанный ключ от сарая и приговаривая: «Мне бы зубило еще поточить». За ним, восседая на шатком стуле, угнездилась женщина с пакетом, полным разрозненных каблучков-шпилек, словно там внутри произошло массовое убийство манекенов из обувного. За ней — пацан лет десяти, сжимающий в руках машинку на пульте управления, у которой отвалилась какая-то жизненно важная шестеренка. Он смотрит на мастера с надеждой хирурга перед первой операцией.

Мастер — усатый мужик неопределенного возраста, чье лицо навсегда приняло форму вопросительного знака — сидит в углу и методично крутит что-то тисками. Звук «вжик-вжик-вжик» действует на мозги лучше любой медитации.

— Занимайте, граждане, — бурчит он, не поднимая глаз. — У всех форс-мажор. У кого жизнь развалилась, у кого каблук.

Я присаживаюсь на единственный свободный шатающийся табурет. Запах жженой сварки щиплет ноздри. Дед впереди начинает лекцию о том, что раньше металл был честнее, а сталь тверже. Я смотрю на свою пряжку, лежащую на ладони. Дешевый цинковый сплав, покрытый облезлой краской под старое серебро. На ней изображен оскалившийся волк. Сейчас, лежа отдельно от джинсов, этот волк выглядит сбитым на трассе енотом. Жалкое зрелище. Тридцать лет высшей нервной деятельности хватило ровно на то, чтобы купить ремень с блестящимдохлым койотом вместо застёжки.

Моя очередь подходит через двадцать минут вечности.

— Пряжку менять или кожу переклепывать? — спрашивает мастер, взвешивая мой ремень в руке так, будто это мертвая змея.

— Пряжку, — вздыхаю я. — Желательно похожую, только... ну, рабочую.

Он уходит в подсобку и возвращается с новеньким куском металла. Похожий волк, только краска еще блестит наглостью заводского конвейера.

— Пятьсот рублей работа, пятьсот материал, — озвучивает приговор мастер, зажимая ремень в прессе.

— За кусок железа? — пытаюсь возмутиться я, хотя цена устраивает.

— За надежду, — отрезает он. — Надежду на то, что штаны сегодня не упадут.

Счет оплачен. Ремень ощущается непривычно легким и жестким. Я чувствую себя идиотом, совершившим паломничество ради двухсот граммов штамповки.

Неспешный путь домой занимает десять минут. Спортивные штаны висят мешком, напоминая о моем поражении. Подхожу к двери своей однушки. Вставляю ключ.

Поворачиваю. Раздается сухой щелчок, но замок не открывается. Железо цепляется за железо где-то глубоко в механизме.

Я дергаю сильнее. Ключ идет туго, со скрежетом, словно личинка замка набита песком вперемешку с битым стеклом.

— Да чтоб тебя! — шиплю я, налегая плечом на дверь. — Мы же вчера открывались!

После третьего рывка, сопровождаемого тихим матом и угрозой вызвать МЧС, механизм внезапно сдается. Замок клацает, дверь распаивается внутрь с каким-то обиженным скрипом.

Я делаю шаг через порог. И замираю.

Дом пахнет иначе. Не моим одиночеством, мокрыми тряпками и остывшим кофе. Воздух тяжелый, чужой, отдающий озоном, как после удара молнии, и едва уловимым запахом мужского парфюма. Дорогого и терпкого, какого у меня отродясь не было. Первые две секунды мозг отказывается этому верить. Он включает режим энергосбережения: «Просто сквозняк». Но затем реальность обрушивается на затылок ледяным водопадом. О, боже! В квартире полнейший кавардак, который встречает меня ласково, но настойчиво.

И это не пьяный дебош и не ограбление наркоманов в поисках заначки. Вещи не разбросаны хаотично, как бывает, когда очень спешишь. Их разбрасывали аккуратно, методично, хоть и, да, очень торопливо.

Диванные подушки вскрыты, но не порезаны, а растянуты. Одежда и белье из шкафа и комода сброшено на пол, при этом каждую вещь явно встряхивали. Постельное белье сброшено на пол. Мой ноутбук лежит на полу и жесткий диск отсутствует. Причем он выдран с мясом – шлейф болтается тонкой серой кишкой. Кухня тоже перевернута – ящики тумбы выдернуты, ложки, вилки, погнутый половник — всё сметено на пол одним движением руки. И даже холодильник приоткрыт.

Мой мозг лихорадочно бьет в колокол. Получается, пока я сорок минут гулял по району, спасая свои джинсы от падения на глазах у общественности, кто-то пришел сюда. Но зачем?! У меня ничего нет! Я не коллекционер антиквариата, у меня нет высоких заработков, я не обладаю ценными предметами!

Я медленно отступаю на шаг назад, все еще стоя в прихожей. Воздух вдруг становится густым. Я пытаюсь сделать вдох, но грудную клетку сдавливает невидимый обруч. Легкие горят. Сердце не просто колотится — оно пытается проломить ребра изнутри, уйти в горло и там захлебнуться паникой. Колени становятся ватными.

Я отступаю еще на шаг назад, пятаюсь к входной двери, спотыкаясь о собственную куртку, уроненную на пол. Дышу мелко, часто, заглатывая воздух, как выброшенная на берег рыба. Голова идет кругом, стены прихожей начинают сужаться. Сейчас меня стошнит прямо на этот затертый линолеум тесной прихожей.

Так что это такое?! Ограбление?! И что делать?! Звонить ментам? Я автоматически поднимаю куртку с пола и натягиваю на себя. Натякаюсь в кармане на флэшку. Шарю дальше по карманам, доставая и кладя обратно ключи, кошелек, паспорт, телефон...

Что я делаю?! Зачем? Надо же сообщить! Куда?! Я буквально вываливаюсь на лестничную клетку и прислоняюсь к холодной шершавой стене. Так! Успокаиваемся! Конечно надо просто набрать «112» и сказать, что ко мне вломились, пока меня не было. Ну а дальше... А что дальше? А дальше не моя забота! Дальше забота ментов.

Я сползаю по шершавой стене на корточки. Бетон лестничной клетки ледяной даже сквозь плотную ткань спортивных штанов, но это хорошо. Холод отрезвляет. Вырывает из ватного тумана паники хотя бы на миллиметр.

Руки трясутся так, что телефон кажется мокрым куском мыла. Я с третьей попытки попадаю в иконку трубки. Гудки длинные, тягучие, как жвачка.

— Служба спасения. — женский голос на том конце провода звучит абсолютно стерильно, словно его синтезировали роботы для озвучивания объявлений в метро.

— У меня... — я сглатываю комок сухой слюны. Горло не работает. — В мою квартиру... залезли. Пока меня не было. Пришлите полицию.

— Пострадавшие есть? - я мотаю головой, отвечаю «Нет».

— Адрес?

Я называю улицу, дом, квартиру. Собственный адрес звучит как координаты чужого бедствия.

— Оставайтесь на месте. Полиция скоро будет. Никому не открывайте, кроме сотрудников полиции.

Гудки. Писк отбоя бьет по барабанным перепонкам. Ощущаю себя участником сериала, который я никогда не смотрел.

Время перестает быть линейным. Оно превращается в густой кисель. Я смотрю на часы. Секундная стрелка дергается рывками, как муха в паутине. Проходит час? Или пять минут? Кажется, что вечность...

Я пытаюсь встать, но ноги не слушаются. Ватные, чужие ходули. Но я все же поднимаюсь, толкаю дверь в свою квартиру. Запах снова ударяет в лицо раньше, чем я делаю шаг внутрь. Тот самый озон и чужой парфюм. Реальность окончательно теряет плотность. Стены комнаты начинают дышать. Обои в мелкий цветочек колышутся, словно от сквозняка, которого нет. Лампа под потолком светит слишком ярко, выжигая тени, и от этого кавардак выглядит театральной декорацией. Как будто кто-то очень старался создать видимость погрома, но забыл добавить хаоса.

... Дальнейшее – словно в тяжелом тумане. Прибыла полиция, они осматривают квартиру, опрашивают меня – все как-то отстраненно, словно я смотрю кино на старой затертой киноленте, где сам же и участвую. Все происходящее – как будто не со мной, как будто я наблюдаю за всем со стороны.

Меня опрашивают, записывают, фотографируют беспорядок в квартире ... Я с трудом соображаю, что ничего не пропало, кроме жесткого диска от ноута...

... Всё нереально. Я зритель в кинотеатре. Сейчас включают свет, я выйду на морозный воздух октября, куплю шаурму и пиво. Пора нажимать стоп. Фильм стал слишком страшным. Но пленка продолжает крутиться.

Полиция уже уехала, а я все сидел на кухне, уставившись в пол и не мог прийти в себя.

Глава 2.

Понедельник встретил меня не дождем, а какой-то мелкой, мерзкой взвесью в воздухе. Небо над городом окончательно прохудилось, выдавая серую морось, которая даже не падает — она просто висит в пространстве, пропитывая одежду насквозь за первые тридцать секунд.

Обычно это меня расстраивает и тяготит. Хотя понедельничная рутина работает как бронжилет: встал, почистил зубы, кофе, двадцать минут пешком, не смотря на погоду, офис. Но сегодня эта броня дала трещину еще на этапе «встал». И даже отвратительную погоду я не замечаю, погруженный в свои невзгоды.

Вчерашнее воскресенье выбило из колеи не фактом взлома — хотя вид вспоротого дивана и выдранного с мясом жесткого диска до сих пор стоял перед глазами призрачным стоп-кадром. Нет, пугало другое. Нарушение физики вещей. Кто-то вошел в мою раковину. В ту единственную точку на карте мира, где правила устанавливал я (точнее, их отсутствие).

Хаос в этой раковине был исключительно моим – носки под диваном, джинсы на ковре, грязная посуда по несколько дней, холодильник без продуктов... А мои «гости» переставили хаос по своему уставу. И самое жуткое — они ничего не взяли. Ни телевизор, который стоил мне трех месяцев жизни без обедов, ни даже ноут целиком. Только «хард» из него. И все это делало вторжение не кражей, а диагнозом. Мне казалось, что я болен чем-то, о чем не знаю.

Весь вчерашний вечер после полиции прошел в режиме зомби – все, что я делал, происходило на полном автомате, без осмысления действий и не оставляло в памяти никаких следов...

Спать так и не получилось. Организм отказывался отключаться в помещении, которое больше не было безопасным. Каждый скрип старого паркета казался шагами вернувшихся гостей. Я промучился до утра, тарашась в потолок, пока не раздалась оглушающая трель будильника. На работу я пришел хмурый, небритый, с лицом человека, которого ночь протачила лицом по наждачной бумаге. Я пах унылым отчаянием.

Колька уже был на месте, но, глянув на меня, благоразумно молчал. Видимо, считывал исходящие от меня волны первобытной агрессии. Монитор загорелся. Таблица Excel встретила меня рядами цифр, которые сейчас выглядели не как символ бессмысленности бытия, а как насмешка. Какая разница, подтянуты ли показатели квартала, если твой личный периметр безопасности прорван?

Поглазев бессмысленным взглядом на монитор, я решил сходить к айтишнику с незнакомой флэшкой.

Системный администратор Толик обычно сидит на удаленке, но по понедельникам присутствует.

— Пойду к Толику, — бросил я в пространство, обращаясь скорее к спинке кресла, чем к Кольке.

Тот лишь кивнул, не отрываясь от монитора. Ему любые прогулки к сисадмину всегда казались паломничеством к святым мощам.

Кабинет айтишников находился в конце коридора, за пластиковой дверью матового стекла, на которой кто-то криво наклеил скотчем распечатку: «Серверная. Стучать три раза, пароль "Сим-сим". Кому очень надо — звоните 345».

Толик сидел внутри, взгромоздив ноги в начищенных до блеска туфлях на системный блок. На ушах у него были массивные наушники с подсветкой, лицо освещено синеватым светом трех мониторов. Он рубился во что-то космическое, азартно лупя по клавиатуре. Окружающий мир для него существовал только в моменты перезагрузки патчей.

Вообще, наш сисадмин внешне воплощал собой антагонизм всех айтишникам мира. Он всегда был гладко выбрит, с аккуратной стрижкой, в наглаженной одежде. Приходя в офис, если на улице была слякоть, он переодевал обувь. Кроме этого он был женат и имел двоих маленьких дочек-близняшек.

Я подошел вплотную и постучал костяшками пальцев по столу. Раз, два, три.

— Сим-сим, мать твою, открой панель задач, — сказал я сухо.

Толик вздрогнул, чуть не свалившись со своего вращающегося трона. Выдернул один наушник. Из второго полилась эпическая оркестровая музыка, тут же захлебнувшаяся тишиной.

— О! Алексус! Ты че такой красивый? — он принялся. — Бухал все выходные? От тебя несет тревогой и заблудшими душами.

— Хуже. Я жил, — со вздохом ответил я. — Причем, как-то с душами не задалось.

Я вынул из кармана флэшку и протянул Толе.

— Твоя?

Толик склонил голову набок. Его взгляд профессионала мгновенно изменился. Ушла расфокусированность геймера, включился сканер.

— Вообще у меня таких полный стол. Э-э... Дай-ка глянуть.

Я положил черную флэшку на гору старых процессоров, выполняющих роль пресс-папье.

— Самое смешное, что она не моя. Но хотелось бы понимания, что на ней.

Толик посмотрел сначала на пластиковый прямоугольник, потом на мое лицо, широко улыбаясь.

— Не твоя? А у кого спер?

— Нашел, — отрезал я. — Посмотри структуру папок. Не запускай экзешники. Просто скажи, что там. И главное... можно ли узнать, когда и где эту штуку форматировали в последний раз? Или куда она втыкалась?

Толик осторожно, двумя пальцами, будто змею, поднял флэшку. Поднес к свету лампы.

— Вот ты грамотный... Гхм... Интересная штучка, — пробормотал он. — Корпус монолитный, залитый смолой. Дешевка снаружи, но потроха могут быть интересными. А зачем тебе время последнего подключения? Решил восстановить хронологию своих измен бывшей?

Я пожал плечами и ответил:

— Просто я не в меру любопытный.

Толя сунул флэшку в комп и задвигал «мышкой». Флэшка распахнула свои объятия...

— О как! – воскликнул Толик и повернулся ко мне.

— Дружище! Это чей-то «эйпик». У кого спер, говорю?

— Тлять! Толя! Переводи сразу с айтишного на русский! – воскликнул я.

Толя почесал затылок и разразился речью:

— Ну, короче, эта флэшка по сути дела токен. На ней записан закрытый ключ электронной подписи. При всем при этом его нельзя скопировать. Тут имеется «эскиз»... м-м... э-э... сэкэзэи... ну, средство криптографической защиты информации, встроено прямо в сам токен. Секешь?

Я не сек абсолютно, но кивнул. Толик продолжил:

— Так вот. Соответственно, это означает, что криптографические операции выполняются непосредственно на самом флэшке, а не через программный криптопровайдер на компе. Итак, мы имеем «эйпик» в токене с «эскизом». Ну... Это... Повторяю — у нас тут защищённый электронный носитель со встроенным средством криптографической защиты информации и неэкспортируемым закрытым ключом электронной подписи. Обычно это используется для «дуба». Ну... для дэбэо. Э-э... Для дистанционного банковского обслуживания.

Толя замолчал, глядя на меня ясными глазами. А мне казалось, что он только что чихал алфавитом, орошая буквами мой мозг.

— Толь, а теперь еще раз и прям вот на русском, по обывательски, для умственно отсталых, для детей младше трех лет, для перенесших в детстве болезнь Дауна на ногах... Что это? – я ткнул пальцем в флэшку.

Толя тяжело вздохнул, глядя на меня ласковым взором санитара и вымолвил:

— Это надёжно защищенный ключ от банковского счёта. Скопировать не возможно. Стереть не возможно. Использовать только в совокупности со специальной программой. Вход в нее обычно запаролен, причем сначала сама прога, потом юзерский вход и подтверждение операции входа, чаще через тут же генерируемый случайный набор букв и цифр, отправляемый на телефон.

Я молчал, переваривая информацию. Мозг лихорадочно шуршал, но не мог выдать удобоваримой версии – от куда у меня это? А Толя тем временем открыл единственно открываемый файл, с той самой абракадаброй, которую я уже видел.

— Ну вот, видишь, владелец этого дела и, скорее всего, банковского счета, некто Громов. Ну, остальное содержимое флэшки зашифровано, и просто так прочитать его в текстовом редакторе не выйдет. Ты этого Громова знаешь?

— Толь... А-а... М-м... Это... То есть вся эта... Ну, вот это – это как ключ к сейфу? И оно никак не читается, не взламывается? – проблеял я.

— Ну, как бы тут важна физическая защита самого токена, то есть вот этой флэшки, ну и безопасность компа, на котором ее используют. И если вдруг на компе затесалась некая хитрая прога... Ну, то есть можно перехватить управление в сам момент подписания документа. Но это не просто и, как правило, такую прогу занести в определенный комп – это надо попотеть изрядно. Так от куда у тебя эта флэшка? И кто такой Громов?

Я пожал плечами и ответил:

— Хрен его знает, кто такой Громов. Флэшу нашел у себя в кармане неделю назад. Кинул дома и забыл. Думал твоя, мол, ты оставил у нас в кабинете, а я автоматом в карман сунул.

— Это точно не моя. – ответил Толя, клацая клавиатурой. – Ну, кое что тут можно выудить. Вот, саму флэшку открывали... ага... неделю назад...

— Это как раз я.

— Ага. И вот до этого... Ух ты! В течении нескольких дней по несколько раз. Кто-то активно юзал счет. — усмехнулся Толя. — А до этого... Вот, до этой непомерной активности... Ну, вот целый регистр... Да, два-три раза в месяц. Короче, у меня складывается впечатление, что в один прекрасный момент хозяин этого ключа лишился его, а тот, кто его лишил, не смог им воспользоваться. Вообще хозяин этой флэшки тупо остался без возможности пользоваться своим банковским счетом дистанционно. И, по сути дела, ему нужно будет переться в банк, доказывать, что он не верблюд и восстанавливать этот ключ. А до этого его, ну, счет, должны заблокировать.

С этими словами Толя закрыл окна на компьютере, вытащил флэшку и протянул ее мне. Я молча взял теплый прямоугольник и растеряно глядя на сисадмина, автоматом сунул флэшку в карман джинсов. А Толя тихо сказал:

— Знаешь, я бы избавился от нее. Это как-то... — он замолчал, выразительно глядя на меня.

Я молча кивнул и вышел от него. В голове был сумбур, похлеще мути на дне лагуны в шторм. Что это?! От куда это?! Какой банковский счет?! Какой ключ?! Кто такой Громов?! Как его ключ от его счета в каком-то банке оказался у меня?! Почему у меня?!

Весь остаток дня я провел в состоянии зыбкого, ватного морока. Таблица Excel перед глазами расплывалась в серое пятно, цифры плыли и не складывались в баланс.

Мозг лихорадило от невероятных событий последних десяти дней — труп на асфальте, найденная флэшка, серый седан, взломанная квартира, менты, и вишенка на торте — банковский токен в моем кармане, котрым оказалась та самая найденная флэшка! Круг замкнулся? А это круг? Но если это круг, то все эти события связаны?! Господи... Картинка получалась уродливой, непонятный пазл, смазанный коллаж. И кто такой Громов? И почему его ключ от сейфа оказался в моей куртке? И еще — а где сам Громов? Лежит в лесополосе с простреленной головой? Сидит на жестком табурете в ржавом гараже с отрезанным ухом и несколькими пальцами, отказываясь подписать дарственную? А пытаются его те злодеи, которые вчера перевернули мою квартиру?

От таких мыслей меня знобило. Колька периодически косился на меня из-за своего монитора, но благоразумно молчал. Видимо, моя небритая физиономия цвета офисной штукатурки, да весь мой безумный вид, отбивал всякое желание обсуждать унитазы.

А мне хотелось просто лечь лицом в стол и дожидаться пятницы. Или конца света. В моем текущем положении это были почти синонимы.

18:00. Свобода пахла мокрым бетоном и безысходностью. Я вышел из стеклянных дверей офиса, натягивая воротник куртки до носа. Октябрь окончательно сошел с ума, превратившись в гигантскую посудомоечную машину.

Дойдя до «Магнита», я решил, что в моем состоянии и в такую промозглую погоду простор необходимо принять что-то крепкое и согревающее. Поэтому я решительно нырнул в светлое нутро магазина.

Выйдя из него с пакетом, в котором покоилась бутылка виски, банка маслин, пол-палки колбасы и нарезной батон, я услышал женский голос:

— Ой, вы уронили! — при этом меня кто-то несильно взял за руку чуть повыше локтя.

Голос был тихим, но прозвучал чуть ли не над ухом. Я вздрогнул и резко обернулся, готовый либо дать по зубам, либо броситься бежать, нелепо размахивая пакетом из «Магнита».

Она стояла вплотную. Девушка среднего роста, стройная, словно струна. На ней было классическое зеленое пальто — оттенок темного бутылочного стекла, — под которым виднелись синие джинсы. Коричневая сумка через плечо, аккуратные коричневые осенние сапоги. Черные волосы собраны в тугой пучок на затылке. Ни капли макияжа. Лицо абсолютно спокойное. Никаких кричащих деталей. Она выглядела обычной сотрудницей банка или менедже-

ром по закупкам, идущая с работы. Но глаза... Темные, почти черные, они смотрели на меня не с интересом прохожего, а с холодным, оценивающим вниманием хирурга.

— Тихо, — сказала она одними губами, хотя вокруг шумел вечерний город. — Не делайте резких движений. Не пугайтесь.

— Э-э... Пардон? — вымолвил я, не понимая, что происходит.

— Сейчас нет времени. Идите за мной. Быстро. Я все объясню.

Это была не просьба. Это был приказ, облеченный в форму вежливого предложения. Она даже не смотрела на меня, её взгляд скользил поверх крыш машин, сканируя парковку.

— Куда идти? Вы кто? Вы из полиции? — ляпнул я первое, что пришло в голову. Голова отказывалась работать.

Она коротко, раздраженно мотнула головой.

— Нет. Я жу... Не важно. У вас ведь эта штука с собой? Флэшка?

Сердце рухнуло куда-то в желудок. Ноги стали ватными. Холодный пот выступил на спине под рубашкой.

— Откуда... Вы от Громова?

— Нет, скорей наоборот. — почти шепотом сказала она ровным голосом, но в котором прорезался металл. — Флэшку вы нашли в позапрошлую пятницу в правом кармане куртки. И если она у вас, то вы не просто в опасности. Вы в большой опасности. Прямо сейчас. Каждая секунда здесь может стоить вам жизни. Шагайте за мной.

Не дожидаясь ответа, она резко развернулась и пошла прочь от входа, в сторону дворов, быстрым, пружинящим шагом. Не оглядываясь. Словно была уверена на сто процентов, что я побегу следом, как щенок. И я побежал.

Логика отключилась. Остался только животный инстинкт. Этот тон. Эта уверенность. Человек, который знает про правый карман. Девушка, которая выглядит слишком собранной для паникующей прохожей.

Мы свернули за угол «Магнита», прошли мимо мусорных баков, срезая путь через служебную зону. Каблуки её сапог четко цокали по мокрому асфальту. Мой пакет с продуктами болтался в руке мертвым грузом.

Она вывела меня на небольшую служебную стоянку, заставленную размокшими коробками и пустыми паллетами. Здесь было темно, свет фонаря бил сквозь голые ветки деревьев, создавая рваный узор теней.

И тут я увидел его. Серый седан! Тот самый, мерзкого цвета. Переднее крыло с вмятиной, покрытой грязью и следами чужой краски. Он стоял в самом дальнем углу парковки, приткнувшись носом к бетонному забору.

Девушка подошла к водительской двери. Пискнула сигнализация — короткий, тревожный звук, разрезавший тишину двора. Она открыла дверь, повернулась ко мне и кивком головы указала на пассажирское сиденье. Взгляд её черных глаз говорил яснее любых слов: «Садись. Или оставайся здесь. Выбор твой, но во втором случае жить тебе осталось ровно столько, сколько потребуется тому человеку в тени вон того тополя, чтобы нажать курок».

Я смотрел то на нее, то на помятое крыло. Разум орал благим матом: «Лёша, это ловушка! Тебя везут убивать!». Но ноги сами сделали шаг. Рука легла на холодную ручку двери. Я забрался внутрь. Захлопнул дверь. Звук металла о металл прозвучал как лязг тюремной решетки. В машине пахло старой кожей, дешевым пластиком и едва уловимым запахом женских духов, горьковатых, полынных.

Девушка села за руль. Блокировка дверей щелкнула автоматически, отрезая нас от улицы. Двигатель завелся бесшумно. Седан мягко тронулся с места, выезжая со стоянки. Мы ехали вглубь промзоны, удаляясь от ярких витрин и людных улиц, туда, где октябрь чувствовал себя полноправным хозяином.

В салоне висит густая, звенящая тишина, которую нарушает только монотонное шуршание дворников по стеклу и глухой гул мотора. Я вжимаюсь в пассажирское кресло, стараясь занимать как можно меньше места. Руки мертвой хваткой сжимают ручки над дверью — два бесполезных поручня для труса. Пакет с продуктами забыт на полу; кажется, банка консервированного горошка перекачивается туда-сюда в такт поворотам.

Девушка держит руль одной расслабленной рукой. Движения точные, экономные. Она не гонит, но ведет машину так, словно каждый перекресток может стать последним. Мы сворачиваем с освещенной улицы во дворы старых «хрущевок». Желтый свет фонарей здесь вязнет в сыром воздухе, цепляясь за облетевшие ветки тополей. Центр города остался где-то позади, вместе с «Магнитом», моим офисом, Колькиной затиркой и иллюзией безопасности.

Она петляет. Сначала направо, потом резко ныряет в арку сталинского дома, проезжает сквозной подъезд-колодец, от которого пахнет кошками и сыростью, и выкатывает на узкую одностороннюю улочку, зажатую между бетонным забором промзоны и сеткой-рабицей гаражного кооператива.

Я искоса поглядываю на нее. Профиль у нее резкий, хищный. В свете приборной панели видно, как подрагивает жилка на её шее. Она напряжена как струна, но это напряжение контролирующего себя человека, а не паникера. Взгляд ее мечется к зеркалу заднего вида каждые десять секунд. Слишком часто. Паранойя или обоснованный, мобилизующий страх? Она сканирует поток машин — вернее, то небольшое, что ездит по этим задворкам в семь часов вечера. Старенькая «Газель», такси-универсал, еще один серый седан... Никто не повторяет наши маневры через арки и дворы.

— Чисто, — наконец говорит она, сбрасывая скорость. Голос звучит чуть хрипло, будто она молчала несколько часов до этого. — Кажется, хвоста нет.

Мы замираем в каком-то переулке. Здесь нет ни одного фонаря. Единственные источники света — квадратики окон спящих квартир где-то наверху. Пахнет жженым мазутом и прелыми листьями.

Девушка переводит рычаг коробки передач в паркинг, но двигатель не глушит. Просто кладет руки на колени и впервые за всю поездку смотрит прямо на меня. Темнота съедает половину её лица, оставляя лишь блеск глаз и линию губ.

— Выдохните. Если бы я хотела вас сдать или убить, мы бы сейчас не разговаривали. Вас как зовут?

— А... Алексей... — выдавливаю я. Горло саднит. — Кто... кто вы? И что происходит?

Инстинкт самосохранения почему-то замер. Привлекательная молодая женщина в зеленом пальто везет меня в промзону. Классический сюжет криминальной хроники. А я даже не сопротивляюсь!

— Меня зовут Марина. Фамилия вам ничего не скажет. Я журналист. Нас часто называют четвертой властью. И мы любим копаться в мусоре, пока первая власть занята своими делами.

Журналист! От сердца чуть отлегает. Хотя, если верить кино, именно они чаще всего оказываются рядом, когда кого-то нужно убрать.

— И что вам от меня надо? Вас послал Громов? Кто он вообще? — сиплю я.

Уголок её рта дергается в жесткой усмешке.

— Виктор Сергеевич Громов — главный бухгалтер компании «ЭнергоИнвест». Весьма скучный, но опасный гражданин.

— «ЭнергоИнвест»? — переспрашиваю я. Название звучит солидно, по-государственному. — Что-то про трубы, провода и нефть?

— Трубы там есть, — кивает Марина. — Только из них качают не газ, а бюджетные деньги. Это классическая прокладка. Мыльный пузырь. Через эту контору заместитель мэра Калужин Анатолий Борисович отмывает всё, что плохо прибито. Откаты за тендеры, взятки за землю, распил дорожного фонда. Ну и кое что еще. Миллиарды! А Громов вел двойную

бухгалтерию. Знал каждую копейку. И та самая флэшка – банковский электронный ключ от счета, на который уходит часть отмытых денег.

Картинка начинает складываться, но она пугает до одури! Заместитель мэра. Миллиарды. Дальше – труп в сером пальто, разгром моей квартиры...

— Но почему я? Почему флэшка оказалась у меня? — голос дрожит. — И кто тот человек, который мне ее сунул?

Марина поворачивает голову и смотрит в темноту за окном. Проходит секунда. Вторая.

— Как я понимаю это случайность. — тихо произносит она. — Человека, который сунул вам флэшку перед тем, как попасть под колеса, звали Михаил. Он работал в офисе «ЭнергоИнвеста». И он помогал мне в расследовании.

— Я так понимаю, вы копаете под Калужина?

Марина вздохнула, помолчала и ответила:

— Как бы да. Но... Тут надо понимать, что промыв таких денег не может осуществлять заммэра лишь по своей инициативе и под свою ответственность. Так что я копаю... Ну, до кого докопаюсь, до того и докопаюсь. А Миша имел личные счета с Калужиним. Несколько лет назад он фактически уничтожил бизнес его отца, чтобы забрать территорию под застройку. Отец пытался бороться, но умер от сердечного приступа. Официально. Но Миша считал, что его убили. Мать Михаила была вынуждена переселиться из хорошей трехкомнатной квартиры в жалкую однушку в хрущевке – денег на выплату ипотеки не стало. В продуваемой из всех щелей квартирке она подхватила пневмонию и тоже умерла.

Марина замолчала, потом кашлянула и продолжила:

— Миша хотел мести. Он уже тогда работал в «ЭнергоИнвесте» и узнал про деятельность Громова случайно. Помощник Громова неудачно упал и получив серьезную травму, надолго выбыл. Михаила срочно назначили его «ио». Хотя Громов ему и недоверял, но Миша касался некоторых документов. И вскоре стал понимать кое что. Начал осторожненько копать и вскоре картинка стала складываться. Тут появилась я. Некоторая информация у меня уже была. Не спрашивай от куда, все равно не скажу. Ну... Впрочем я скоро поняла, что мне нужна была своя крыса внутри «ЭнергоИнвеста». Я нашла Мишу

— Какая-то дичь шпионская... — пробормотал я.

А Марина усмехнулась и продолжила:

— Миша согласился мне помочь. Он к тому времени уже хотел пойти в следком или в прокуратуру. Но я его отговорила – скорей всего без их ведома такие дела не проворачиваются. В общем сейчас инфы много, но... Но как-то все косвенно. Кроме того мне показалось, что за мной следят. Ну, тоже, как бы, лишь намеки, однако... А в ту пятницу Миша позвонил, взволнованный весь. Сказал, что выкрал флэшку у Громова. Мол, тот с этой флэшкой никогда не расстанется, наверняка на ней что-то очень важное. Готов отдать флэшку мне.

Она замолчала, задумчиво глядя в темноту. Я тоже молчал, глядя на нее и ждал. Она заговорила вновь:

— Мы тут же договорились встретиться. Когда я ехала на встречу, он позвонил и очень взволнованно сказал, что кажется за ним следят. Но он идет на встречу, пешком, без машины, автобусом, мол, среди людей безопасней. Я уже подъезжала к месту встречи, когда он позвонил снова и сказал, что его точно «пасут». За ним идут и еще едет черный внедорожник. Короче, я уже стояла припаркованная и ждала его. Он снова позвонил, сказал, что подходит, но нас могут увидеть вместе, что встреча отменяется. Что он очень боится и может быть ему удастся избавиться от флэшки, но так, чтобы я смогла ее потом найти. И тут я его увидела. Я крикнула в телефон, что вижу его. Я увидела, как он с тобой столкнулся. Я видела, как его сбила машина. Специально сбила! Еще я видела, как какой-то мужик, якобы случайный прохожий, якобы пытался оказать Мише первую помощь. А на самом дела быстро ощупал его карманы.

— И ты вот так прямо поняла, что флэшка у меня?

— Нет конечно. Но я поняла, что они поняли, что Миша шел на встречу и его нельзя было до этой встречи допустить. И я подумала, что тот мужик забрал флэшку, найдя в Мишином кармане. Но потом все же, памятуя Мишины слова о том, что он избавится от флэшки так, чтобы я смогла ее забрать, я подумала, что он сунул ее в карман кому-то из прохожих. Вспомнила про тебя. Нашла, потому что было понятно, что живешь ты где-то рядом. Следила за тобой. Ну вот, в двух словах пока все.

— А-а... А вот эти «они»... Они кто? И это они обшарили мою квартиру? – с замиранием сердца вымолвил я.

Марина кивнула и ответила:

— Похоже, что они тебя тоже вычислили. И, да, скорее всего это именно они вломились к тебе. Я в этот момент сидела в этой машине за углом и, думаю, что видела их.

— Но кто они?! – воскликнул я.

— Ну, что-то типа собственной службы безопасности господина Калужина. И теперь, Алексей, у нас две новости. Обе плохие. Первая: они думают, что флэшка у тебя. Вторая: этот кусок пластика сейчас стоит дороже нефтяной скважины, поэтому за него идет драка без правил. Так что поздравляю. Ты теперь носитель тайны мафиози районного масштаба. И, сам понимаешь, ходячая мишень.

Я думал, меня хватит удар! Это было оглушающе! Я даже не знал, как на это среагировать! А Марина продолжила:

— Я даже не понимаю, почему тебя до сих пор не выкрали. Сначала они не знали, где флэшка. Ну, они сразу вычислили, что ее спер Миша. Выследили его. Думаю, хотели выйти через него на меня. А я догадалась про тебя раньше них. У меня было преимущество — Миша успел сказать, что избавиться от флэшки так, чтобы я её забрала.

Я наконец-то пришел немного в себя и слегка заикаясь, уныло спросил:

— И что... Что теперь делать?

Марина помолчала несколько секунд, потом сказала:

— Она у тебя с собой? Давай сюда. Если кто спросит – а спросят обязательно – говори все как было. Ну, типа, подбросил какой-то тип, потом забыл про нее, потом вспомнил, пытался открыть, там что-то непонятное. Потом появилась я и ты мне ее отдал. Понял?

Я кивнул, а она продолжила:

— Есть один момент. Они захотят узнать, что я знаю. Скажи, что я не распространялась, а ты рад был отдать мне флэшку, потому что не нравится, когда к тебе загадочно попадают чужие вещи с загадным содержанием. Усек?

Я опять кивнул и протянул ей флэшку. Она быстро спрятала ее под пальто, в карман джинсов.

— Вот и чудненько! Так, давай я тебя до цивилизации подброшу, ты сам домой доберешься. – она запустила движок и мягко тронулась с места.

В этот момент сбоку нас ярко ослепили фары, раздался визг шин и дорогу нам перегородил черный внедорожник. Марина инстинктивно вдарил по тормозам.

Из дверей внедорожника вывалились трое. В темноте они казались все черные – куртки, штаны, шапки... Движения отточенные, механические. Отнюдь не гопники с района!

Время загустело, как старая кровь. Мой мозг отключился, уступив место первобытному ужасу. Сердце ухнуло в правую пятку, потом подскочило к пояснице и там забилося о позвоночник тупым молотом. А в желудок словно сыпанули колючих ледышек. Воздух исчез.

— Твою мать! — отчаянно взвизгнула Марина. Звук был рваным, совсем не похожим на тихий размеренный голос холодной женщины. Она рванула рычаг передач на «R» так резко, что хрустнуло что-то в механизме.

И тут мир разорвался! Хлопок. Сухой, резкий, совершенно непохожий на звук петарды или лопнувшей шины. Хлопок. Хлопок. Выстрелы?! Господи, это настоящие выстрелы?!

Марина с очередным криком «Твою мать!» согнулась, пытаясь спрятаться за рулем. А один из нападавших, уже стоявший у капота нашего седана — здоровяк с бычьей шеей — дернулся. Его правая рука нелепо взлетела вверх, будто он хотел отдать честь небесам, а потом рухнула плетью. Он согнулся пополам, хватаясь за плечо, и упал на колени прямо в черную лужу под фонарем.

Следом, через доли секунды, в боковом окне джипа одна за другой, появились две аккуратные, идеально круглые дырочки. На моих глазах толстое стекло покрылось сеткой белых трещин, расходящихся от этих отверстий, но не посыпалось внутрь.

Еще один хлопок сзади. Джип тяжело просел на диск, заваливаясь немного набок. Резина с шипением выпускала воздух.

Двое, оставшихся на ногах, среагировали мгновенно. Один рыбкой нырнул за массивный задний бампер джипа. Второй метнулся к передней двери, прикрывая голову руками, и скрылся за моторным отсеком. Они растворились в тени, оставив своего раненого корчиться на мокром асфальте.

В этот момент задняя дверь нашего седана распахнулась и что-то тяжелое, пахнущее сырой кожей и табаком, буквально вбросило внутрь машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.